

ПАРЕНЬ ИЗ СВЕТЛОВСКОЙ «ГРЕНАДЫ»

Из антологии Е. Евтушенко «Десять веков русской поэзии»

В 1952 году после первой книжки стихов меня приняли в Союз писателей и, несмотря на отсутствие аттестата зрелости, в Литинститут. На лестничной площадке второго этажа стоял детинушка в пиджаке с ватными плечами фасона «а ну, брат, полегче», в баскетбольных кедах и вообще похожий больше на баскетболиста, чем на поэта, с ироничными выпуклыми глазами, с тёмно-коричневыми родинками, щедро рассыпанными по лицу, и с ярко-земляничными губами, вывороченными чуть по-африкански.

— Новенький? — спросил он меня. — Ну-ка проверим тебя на «вшивость».

И начал читать, слегка заикаясь:

...от Махач-Калы

до Баку...

Я не дал строкам зависнуть и немедля подхватил:

...луны плавают на боку.

Насмешливость в его глазах исчезла. Он протянул ручищу:

— Роба... Из Петрозаводска... Ну, для новичка ты в полном поря...

Такова в Литинституте была взаимопроверка — чужими стихами. Особенно — стихами непереиздаваемых поэтов, или уже расстрелянных, или сидевших. По знанию их стихов мы определяли сразу: свой или не свой. Борис Корнилов, Павел Васильев, Ярослав Смеляков были нашими парочками. А ведь это было при Сталине, да ещё и в параноидальную пору разоблачения «врачей-убийц».

Когда сейчас пытаюсь поиграть на узнаваемость стихов с нашими молодыми поэтами, ничего не получается — они плохо знают чужие стихи, да и свои не помнят наизусть.

Я впервые увидел стихи Корнилова в его раннем сборнике, который мой старший друг, будущий знаменитый футбольный обозреватель Лев Филатов, прятал на полке за первым рядом книг. И тут выяснилось, что я уже знал этого поэта по песне «Нас утро встречает прохладой...» на музыку Дмитрия Шостаковича, по обожаемым ещё в детсаде стихам «Как от мёда у медведя зубы начали болеть».

У Корнилова были неиссякаемая заводная удаль, бесшабашность, заразительное обаяние, свойственные любимому актёру тех лет — Петру Алейникову. Корниловская «комсомольскость» была без всякой дешёвой сентиментальности. Корниловская лихость была скорее анархической, своевольной. От его «Качки на Каспийском море», от волшебного запева: «В Нижнем Новгороде с откоса / чайки падают на пески...», от «Соловьи» у меня даже голова кружилась.

Его интернационализм не был предписанным — он бурлил в его крови. Перечитайте наполненные упоением строки: «Хорошее братание / совсем не изъян — / да здоровствует Британия, / да

здравствует Британия, / Британия рабочих и крестьян!.. / Нас томми живо поняли – / и песни по кустам... / А как насчёт Японии? / Да здравствует Япония, / Япония рабочих и крестьян!» Плакать хочется от тоски, что такого парня, как Борис Корнилов, – да одного ли такого! – расстреляла их собственная исковерканная, изнасилованная, истиниченная, а когда-то по-детски чистая мечта. Неправда, что мечтатель из светловской «Гренады» был выдуманным – он был Борисом Корниловым. Но... «Отряд не заметил Потери бойца...» А вот песню допел до конца, непоправимо изуродовавшего начало. Но и в самом начале было то, что не поддаётся романтизации.

Герои поэмы Корнилова «Триполье», несмотря на человеческую жалость к ним, погибшим, все-таки сами были безжалостными реквизиторами крестьянского добра. И надеюсь, не станут героями будущих поколений.

Покачивающаяся, гульливая интонация корниловских стихов завораживала, как взгляд на его фотографии конца 20-х годов с неповторимой поволокой глаз под распушенным окраинным чубом, над задорно поблескивающим кончиком носа, умирающего от любопытства к жизни, – но взгляд с непреодолимой грустцей. Всемирное братание всё отдалялось. Шаги смерти слышались ночью по всем лестницам. Растерянность от незнания, что дальше будет с революцией, совестью, стихами. Испуг от невеселых предчувствий: «Я скоро погибну / в развале ночей. / И рухну, темнея от злости, / и белый, слюнявый / объест меня червь, – / оставит лишь череп и кости. / Я под ноги милой моей попаду / омытою костью нагою, – / она не узнает меня на ходу / и череп отбросит ногою».

Корнилов, к счастью, ошибся в своей любимой. Она и после его смерти узнавала его где угодно в непрекращающихся видениях: «Я только ему ещё верна, / я только этим ещё права: / для всех живущих – его жена, / для нас с тобою – твоя вдова».

Жаль, что Корнилову никто не запретил необратимо предсказывать собственную гибель, как Борис Пастернак запретил мне.

Из интеллигенции постепенно вытравляли интеллигентность парализующим страхом «предарестья». Весьма поучительна стенограмма Первого съезда писателей в 1934 году. От ЦК ВКП(б) и Совнаркома выступил Жданов, начинающий инквизитор, тогда ещё не добравшийся до Дмитрия Шостаковича и Анны Ахматовой. Он объявил, что нет и не может быть литературы неклассовой, нетенденциозной. А это «означает разрыв с романтизмом старого типа, с романтизмом, который изображал несуществующую жизнь и несуществующих героев, уводя читателя от противоречий и гнёта жизни в мир несбыточного, в мир утопий». Так одним махом были вышвырнуты за борт Ромео и Джульетта, Анна Каренина, мадам Бовари, да почти все герои мировой и русской классики. А в виде снисходительной подачи партия в лице Жданова разрешила только революционную романтику.

Каким же ещё романтиком, если не революционным, мог быть Корнилов, чьи родители, еле выбившись из лучинного сумеречного царства к свечам да керосиновым лампам, стали сельскими учителями. А их неумный Борька ополоснул свои глаза первым электрическим светом в Ленинграде, куда приехал, чтобы познакомиться с Сергеем Есениным. Но Есенин был жеребёнком-жертвой на рельсах истории, а Корнилов хотел стать хотя бы одной лошадиной силой в двигателе мировой революции. Но что нужно от двигателя? Прежде всего, бесперебойность. А какая может быть бесперебойность у романтики! Разве романтика бывает без отчаянных закидонов, без впадения то в эйфорию, то в меланхолию? Поэтому-то поэзия Корнилова и подвергалась постоянным нападкам.

И вдруг на писательском съезде его выделил не кто-нибудь, а член ЦК и редактор «Известий» Н.И. Бухарин: «Среди поэтической «комсомольской» молодёжи следует особо сказать о Борисе Корнилове... У него «крепко сшитое» мировоззрение и каменная скала уверенности в победе». Далее следует несколько странное предсказание для «уверенности в победе»: «Само «я», исчезая, находит свое «продолжение жизни»... в новой веренице людей и дел».

Но откуда может взяться уверенность в победе, если собственное «я» исчезает? А вереница – вот она: «...идут коммунисты, немея лицом, – / мое продолжение жизни». Но что за счастье – в бессловесных людях? И почему продолжение жизни будет только «в новой веренице людей»? А куда же отправятся остальные – из «старой вереницы»? Уж не в ГУЛАГ ли, где оказалось больше половины делегатов «съезда победителей»?

В цитируемом Бухариным корниловском стихотворении есть строки с весьма размытым содержанием: «Врага окружая огнём и кольцом, / медлительны танки, как слизи...» Кстати, чьи это

танки? Брезгливое отвращение к ним у автора столь велико, что, похоже, это именно те танки, какие потом пройдутся по романтикам. А иногда и на чужую территорию заявятся, причём на братскую, социалистическую. И будут давить гусеницами. Безжалостно. По-свойски. Так в чьей победе у Корнилова «каменная скала уверенности»? Неужели в собственной? А не в победе ли этих «слизней» над ним самим? Нельзя ручаться за точность моих догадок – тут всё на уровне не сознания, а подсознания.

У Корнилова была, конечно, радость от поддержки Бухарина. Но радость отравляло чувство смертельной опасности. «Бухарчик», как называл когда-то своего соратника с любовно звериным чувством собственности Сталин, уже неостановимо тонул и вполне мог утянуть за собой расхваленных им Пастернака и Корнилова. Пастернака, кажется, спасла фраза Сталина: «Оставьте этого небожителя» после личного письма ему Пастернака по поводу самоубийства Надежды Аллилуевой. Корнилов же для властей был слишком мелкой фигурой в крупной игре, чтобы тратить время на размышления, стоит им пожертвовать или нет. Утопия нуждается не в романтиках, а в циниках. А всё, что основано на цинизме, становится жестокосердой утопией, даже если вначале было прекраснодушным идеализмом. Нам необходима романтика, но романтика эволюционная, а не революционная.

Увы, сегодня непросто вернуть надежду на всечеловеческое братание, ежедневно убиваемое ножами, заточками, кистенями, шкворнями, ядами и стингерами. Но не надо сдаваться. Непросто – не означает: невозможно.